

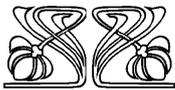
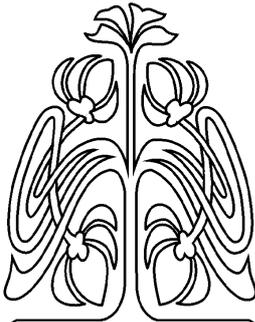
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(38).09:930.272(38)

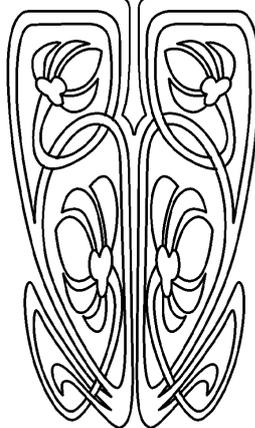
«ПАВСАНИЕВО ОПИСАНИЕ ЕЛЛАДЫ», ИЛИ СУДЬБА ОДНОГО РУССКОГО ПЕРЕВОДА, ВЫПОЛНЕННОГО ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II

С. П. Выскубов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: stas_16-92@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье рассматривается первый русский перевод «Описания Эллады» Павсания (1788–1789 гг.) в контексте культурно-просветительской политики Екатерины II. Этот перевод был выполнен в специальной комиссии под названием «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг» и стал первой в мире удачной попыткой перевести «Описание Эллады» с греческого на современный европейский язык. Поднимается проблема восприятия античного наследия в России эпохи Просвещения как специалистами филологами, так и обычными образованными читателями. Анализ историко-литературного наследия Европы второй половины XVIII в. позволяет понять, каким образом античные авторы и их труды стали неотъемлемой частью русской культуры.

Ключевые слова: Павсаний, «Описание Эллады», Просвещение, И. И. Винкельман, И. Сидоровский, культурная политика Екатерины II, восприятие античного наследия в России.

«Pausanievo Opisanie Ellady» («Descriptions of Greece by Pausanias») or the Fate of One Russian Translation Made in the Time of Catherine the Second of Russia

S. P. Vyskubov

The article reviews the first Russian translation of Pausanias' "Descriptions of Greece" (1788–1789) in context of the cultural and educational politics of Catherine the Great in Russia. This translation was made in special commission under the name "Assembly for the translation of foreign books" and became the first one which was fulfilled from the Greek to the modern European language. It is also touched the problem on perception of the classical heritage in Russia in the Age of Enlightenment by both professional philologists and ordinary educated readers. An analysis of the European historical and literary heritage of the second half of the 18th century is important to understand the process by means of which ancient authors and their works became an inalienable part of Russian culture.

Key words: Pausanias, «Description of Greece», Age of Enlightenment, J. J. Winkelmann, I. Sidorovsky, cultural politics of Catherine the Second, perception of the classical heritage in Russia.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-192-198

Одним из основных направлений культурной политики Екатерины II в 1780-х гг. стало обращение образованной общественности к классицизму в новейшем европейском вкусе. В этот период влияние античного наследия было «ощутимо не только в литературе, но едва ли не во всех сферах духовной деятельности людей»¹. «Греческий проект» императрицы и присоединение Крыма значительно способствовали увеличению интереса к «античным древностям». Наличие рукописных текстов греческих и латинских авторов в государственных и частных коллекциях, формировавшихся по воле московских царей и патриархов XVI–XVII вв., должно было обеспечить прочную основу для знакомства образованной российской публики с сочинениями древних писателей и поэтов. Богатые собрания кодексов ввиду отсутствия отечественных специалистов в области классической филологии становятся

предметом изучения немецких специалистов. Рукописи на классических языках из Московской Синодальной библиотеки впервые были описаны в 1770-х гг. филологом и библеистом Х. Ф. Маттеи (1744–1811): в его поле зрения попал кодекс конца XV в., отмеченный в его сводном каталоге номером CXCV². Этот кодекс, содержащий текст «Павсаниевой Истории», оказался в России в 1655 г. Отголосок итальянского гуманизма, судьба которого заслуживает отдельного исследования, более века оставался в полном забвении. Показательно, что приобщение к рукописным собраниям России, пусть и со стороны немецких ученых, является частью сложных культурно-исторических процессов, которые происходили в эпоху Екатерины II.

Немецкий рационализм проявился не только в работе над рукописями античных авторов, но и подготовил основу для восприятия греко-римской цивилизации с ее материальными и литературными памятниками как духовно близкой европейскому «просвещенному обществу». На этом фоне осмысление древнего памятника принимающей культурой имело целью обнаружить то, что отвечало историко-культурному контексту, в котором существовала принимающая культура. В этой связи представляется актуальным рассмотреть особенности восприятия «Описания Эллады» Павсания как одного из самых «классицистических» сочинений древности в культурной среде российского классицизма и понять, насколько глубоко происходило осмысление текста, заложившего основы современного понимания античного искусства.

Рассмотрение этого феномена невозможно без обращения к тенденциям развития классицизма в Европе второй половины XVIII в. В 1750-х гг. И. И. Винкельман, путешествуя по Италии, тщательным образом изучал известные к тому времени образцы античной пластики. Итогом его исследований стала книга «Geschichte der Kunst des Altertums», увидевшая свет в Дрездене в 1764 г. Оценка Винкельманом древнего искусства во многом сформировала идеализированное представление об античности в XVIII в. и позднее. Двумя годами позже в Берлине был опубликован «Laokoon oder über die Grenzen der Mahlerey und Poesie» Г. Э. Лессинга – идейного оппонента И. И. Винкельмана, где впервые поставлен вопрос о границах поэтического и пластического искусств. Взгляды обоих ученых нашли восторженный отклик у интеллектуальной элиты, их труды перевелись на другие европейские языки³. Несмотря на различие во взглядах, и И. И. Винкельман, и Г. Э. Лессинг искали опору для своих концепций развития античного искусства в свидетельствах древних авторов, при этом особое место было отведено свидетельствам Павсания. «Описание Эллады» служит И. И. Винкельману неисчерпаемым источником для толкования предметов и образов античного искусства: более

двухсот раз ученый ссылается на Павсания, чтобы подтвердить свои догадки относительно того или иного памятника⁴. Г. Э. Лессинг настроен более критично к этому источнику. Он упрекает путешественника в невнимании к таким выдающимся памятникам, как статуя Лаокоона, но все-таки обращается к Павсанию в других своих сочинениях⁵.

Вместе с именами И. И. Винкельмана и Г. Э. Лессинга, хорошо известными российской просвещенной публике, знакомство с Павсанием происходило через учреждение Екатериной II особой *Комиссии*, или «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на российский язык». Ее деятельность (1768–1783) как придворного учреждения выражалась в отборе текстов, подлежащих переводу, поиске подходящих переводчиков, установлении сроков и размеров выплат в качестве вознаграждения за прделанную работу, а также оплате печатания и распространения изданий⁶. В ходе ее работы перевод Павсания был поручен священнику И. И. Сидоровскому (1748–1795) и коллежскому регистратору М. С. Пахомову (1745–1792), которые по характеристике С. П. Семенникова, исследовавшего деятельность «Собрания», проявили «необычайное трудолюбие и старательность в переводах с греческого языка»⁷. Оба переводчика происходили из провинциальных незнатных семей и в начале жизни сталкивались с трудностями. Как отмечает Вяч. Вс. Иванов, «преодоление этих трудностей привело обоих к преподаванию в созданном при Екатерине II учебном заведении для девиц высокого сословия (Смольного института в Санкт-Петербурге в 1764 г. – С. В.). Там они проработали вместе, став свойственниками и сопереводчиками многих древнегреческих авторов»⁸. Сидоровский и Пахомов были из тех немногих, кто делали свои переводы «Творений велемудрого Платона» и «Разговоров Лукиана Самосатского» с древнегреческого оригинала⁹. Как известно, в то время большинство переводов античных авторов осуществлялось с французского, немецкого, а в некоторых случаях с подстрочника или латыни, которую в России знали лучше, чем греческий. Перевод с посредничающего текста, по мысли А. К. Гаврилова, «обеспечивал ясность», но в этом случае переводчик интересуется не воззрениями автора оригинального текста и не переводом, сделанным предшественником данного переводчика, а лишь желанием «поумнеть»¹⁰.

Перевод под названием «Павсаниево описание Эллады, то есть Греции, предложенное с греческого языка на российский» (в трех частях) увидел свет только в 1788–1789 гг., то есть спустя пять лет после завершения деятельности *Комиссии*¹¹. В «Предуведомлении» к переводу, помещенном в первой части вместе с I–IV книгами, дается биография Павсания и объясняется «польза и приятность» этого текста: «...возбуждаемый любовью к своему отечеству, <...> (Павсаний) изыскивает начало или происхождение народов,

в ней (Греции) обитавших, показывает последование и преемственность царей, <...> предлагает родословие великих особ тамо живших»¹².

Здесь отмечена проблема так называемых «Павсаниев», то есть писателей, носящих это имя, – ее решение было предложено только в XX в. Автор «Описания Эллады» обозначен словом

Philostr. Vitae soph. 2.13:

Kaisareia de hē Kappadokōn orei Argaiōi prosoikos Pausaniou tou sophistou oikos. Ho de Pausanias epaideuthē men hypo Hērōdou kai tōn tou Klepsydriou metechontōn heis egeneto, hous ekaloun hoi polloi dipsōntas, <...> pol-lai gar tou Pausaniou kata tēn Rōmēn, hoi dē kai katabious apethane gēraskōn ēdē, tou thronou metechōn, kai meteiche de kai tou Athēnēsīn, hote dē kai apiōn ekeithen epi pasin... (здесь и далее греч. текст дается в лат. транскрипции курсивом. – С. В.)

«Кесария в Каппадокии, по соседству с горой Аргей, была родиной софиста Павсания. Павсаний обучался у Герода, и был одним из членов Клепсидриона, которых обычно называют «жаждущими». <...> Как и многие из них, Павсаний прибыл в Рим, где провел остаток своей жизни; и там умер; когда он был уже стар, он все еще сохранял должность ритора. Кроме того, он занимал кафедру в Афинах» (пер. мой. – С. В.)

При сопоставлении двух текстов несложно заметить, что в «Предупреждении» смешаны традиции о двух «Павсаниях». Большая часть биографических фактов здесь соотносима с софистом, а не с автором «Описания». В указании на место рождения «некоторый Греческий город, находившийся близ горы Сипилы (Магнезия у Сипила в Малой Азии. – С. В.)», удачно подменяет филостратовскую Кесарию у горы Аргей. Вместе с тем, краткая биография автора – важный элемент введения, она должна была сформировать определенный образ автора в умах читателей.

В целом этот перевод нельзя назвать филологически точным. Текст содержит множество неточностей и отступлений от греческого оригинала. Примечания, составленные авторами перевода, в большей степени отражают субъективное отношение к предмету, нежели научный комментарий. Однако обилие примечаний к тексту (около 500) позволяет включить Павсания в раздел

вития, восходящим к греческому *rhētōr (-oros)*, что указывает на ошибочное представление ученых того времени о характере литературной деятельности Павсания¹³, поскольку единственная биография автора с таким именем (имеется в виду Павсаний – софист II в. н.э. из Каппадокии) сохранилась у Филострата Старшего:

Предупреждение. Кн. 1:

«Павсаний, ученый греческий бытописатель и *вития* жил во втором столетии после Р. Х. в царствование Антонина философа. Он родился в некотором Греческом городе, находящемся близ горы Сипилы, и был учеником Ирода Аттика, славного витии. Препроводив долгое время в Греции и упражняясь в разных испытываниях достопамятностей, прибыл напоследок в Рим, где и скончался в старости глубокой. Осталось от него сие превосходное описание Еллады или Греции, состоящее в десяти книгах...» (С. III–IV).

специальной литературы, интересовавшей узкий круг подготовленных читателей¹⁴. Относительно «научности» перевода П. Н. Черняев отмечал, что его ценность для ученых уменьшается, в частности, тем, что «нет указателей вещей и предметов, равно (нет) и оглавления»¹⁵. В издании не было иллюстраций, что не способствовало его популярности. Также отсутствует единообразие в именах собственных, топонимах и этнонимах. Надо отметить, что с последней задачей в полной мере не справился ни один из последующих переводчиков: ни Г. А. Янчевецкий, ни С. П. Кондратьев. Это объясняется отсутствием целого ряда имен и названий в других античных источниках. В некоторых местах перевод греческих понятий является калькой, облаченной в витиеватость литературного слога XVIII в.

Далее приведены примеры слов, переведенных подобным образом в сопоставлении с греческим оригиналом¹⁶ и новейшим переводом¹⁷:

<i>ho kitharōdos</i> (Vol. 1. III.25. P. 334)	<i>гуслебряцатель</i> (Ч. 1. Кн. 3. Гл. XXV. С. 393)	<i>кифаред</i> (III.25.7), об Арионе
<i>ho Tarakshippos</i> (Vol. 2. VI.20. P. 263)	<i>констрашилице</i> (Ч. 2. Кн. 6. Гл. XX. С. 168)	<i>Тракшипт</i> (VI.20.15)
<i>hē Rhōmaiōn hē boulē</i> (Vol. 2. VII.9. P. 311)	<i>советовалище</i> (senatus) (Ч. 2. Кн. 7. Гл. IX. С. 219)	<i>римский сенат</i> (VII.9.3)
<i>Boēdromios</i> (Vol. 3. IX.17. P. 182)	<i>вспомоществовательный</i> (эпитет Аполлона – Ч. 3. Кн. VIII. Гл. XX. С. 44)	<i>Аполлон Боздромий</i> (IX.17.2)
<i>Androphagos</i> (<i>Tigris</i> – Vol. 3. IX.21. P. 191)	<i>человекоядец</i> (Ч. 3. Кн. 9. Гл. XXI. С. 55)	<i>людоед</i> (то есть тигр – IX.21.4)

Однако критика относительно неточности и субъективизма первого русского перевода Павсания¹⁸ отнюдь не означает, что он неинтересен для

исследователей. Во-первых, этот текст был одним из очень немногих переводов греческих авторов времени Екатерины II, выполненных с греческого

языка. Во-вторых, сам факт его появления говорит о том, что русская культура как восприимчива античного наследия на определенном этапе своего развития могла воспринять и передать сложность и насыщенность такого текста, как «Описание Эллады». Приведенные выше примеры передачи слов иллюстрируют этот тезис. В-третьих, Павсаний на русском языке стал первым опытом перевода этого автора с греческого на современный европейский язык. В Европе вплоть до начала XVIII в. не было ни одного перевода Павсания, кроме трех латинских (Д. Кальдерино, А. Лешера и Р. Амасия), относящихся к концу XV–XVI вв.¹⁹

В 1731 г. был опубликован двухтомный французский перевод аббата Никола Гедиона (Gédoyn; 1677–1744)²⁰, выполненный с латинского перевода Р. Амасия. Главным достоинством французского издания были иллюстрации памятников и карты, но перевод подвергся критике за неточность передачи текста и вольный пересказ²¹.

Примечательно, что популярность французской версии в Европе не стала препятствием для обращения русских переводчиков к греческому оригиналу. Задача, которую решали переводчики, состояла, прежде всего, в стремлении познакомить русского читателя с неизвестным ранее древним автором и сделать его текст доступным для более широкой публики. На рубеже XVIII–XIX вв., как отмечает А. И. Любжин, знание древних языков среди дворян являлось редкостью за исключением лиц, окончивших курс Московского университета или другого подобного учебного заведения²². Отсутствие переводов античного автора на другие европейские языки вплоть до XVIII в. лишь говорит о нем, как о малоизвестном неподготовленному читателю. Круг лиц, особенно тщательно изучавших «Описание Эллады» с момента «второго открытия» сочинения в XV в., состоял из гуманистов, например, Николо Николли, Эразма Роттердамского, Альдо Мануци и таких знатоков греческих древностей, как И. И. Винкельман и Г. Э. Лессинг, не испытывавших острой необходимости в переводах.

Отсутствие каких-либо сведений о греческом оригинале, использованном И. И. Сидоровским и М. С. Пахомовым, затрудняет определение кодекса или издания, положенного в основу перевода. Маловероятно, что переводчики, связанные в силу житейских обстоятельств с Петербургом на протяжении всей их жизни, были знакомы с кодексом XV в. из Московского Синодального собрания²³. Сличение лакун в тексте кодекса (I.2.3, 5.3, 20.3, 23.7, 29.13; X.26.8, 29.7, 31.12 и других мест) с «Павсаниевым описанием...» подтверждает факт использования при переводе издания, основанного на нескольких рукописях. Не исключено, что это могло быть одно из изданий текста Ромула Амасия²⁴ (1489–1552), привезенное по указу патриарха в Москву из Константинополя в 1682 г.²⁵ Однако дальнейшая судьба этого экземпляра не вполне ясна, а вопрос об оригинале,

послужившем основой для русского перевода, остается открытым.

Прослеживая дальнейшую судьбу первого перевода Павсания, можно лучше понять особенности усвоения в России поздней греческой прозы. Эпоха, породившая перевод, была названа переводчиком «золотым веком», когда «весь свет с удивлением взирает на то блаженство России, Отечества нашего, до коего возвысилась она в настоящем...»²⁶ Интересно, что «золотым веком» принято называть период жизни Павсания – время правления династии Антонинов (96–180 гг.), когда древнегреческая культура переживала свой последний расцвет под покровительством императоров-эллинофилов.

Однако содержание переписки между переводчиками и главой Академии наук княгиней Е. Р. Дашковой (1783–1796) показывает, что «золотой век» для этого перевода так и не наступил. В прошении И. И. Сидоровского и М. С. Пахомова от 7 февраля 1789 г. говорится: «Ваше Сиятельство, Милостивая Государыня! Павсаниево описание Эллады или Греции, переведенное с греческого языка и состоящее в трех частях, напечатано уже по предписанию Вашего Сиятельства. <...> ...Всепокорно просим выдать нам за труд, употребленный нами на перевод сего писателя, ... награждение»²⁷. В ответном письме княгиня уведомила переводчиков, что «продажей этой книги 50 рублей не выручено и с начала ее издания, следовательно, впоследствии еще менее продаваться будет. Издание книги стало Академии наук в 1800 р<уб.>, следовательно, не скорее 30 лет издержанные академией деньги выручиться могут». Несмотря на это, деньги были выплачены по 250 руб. за каждую часть, то есть всего 750 руб.²⁸ Переводу Страбона повезло меньше. Он был подготовлен еще в 1781 г., но так и остался неизданным. Очевидно, что первые переводы Павсания и Страбона, называемые также *географами*, не заняли прочного места в круге чтения российской интеллигенции, столь стремящейся приобщиться к классической культуре.

При просмотре «Каталога русской книги гражданской печати»²⁹ несложно заметить, что незадолго до выхода в свет «Павсаниева описания» и сразу после этого российский образованный читатель мог ознакомиться с некоторыми сочинениями, посвященными в целом той же тематике, что и текст Павсания. Например, среди переводов *Комиссии* названы посвященные античной Греции статьи из энциклопедии французского просветителя Л. де Жокура (1704–1779), собранные в книгу под заглавием «Пелопонис или Аморея...»³⁰. Отобранные для перевода статьи доступны и кратко рассказывают о древнегреческих «областях, городах и племенах» в алфавитном порядке со ссылками на многих античных авторов. Имя Павсания упоминается более пятидесяти раз, и, как кажется, автор и переводчик отождествляют его с *историками*: «Фукидид, Диодор, Павсаний,

Плутарх, Цицерон, Плиний, Елиан (sic); словом вся история упоминает о сем приключении (землетрясение в Лаконии 469 г. до н. э. – С. В.)»³¹. Очевидно, краткие популярные статьи, вмещенные на 215 страницах книжечки, вышедшей тиражом в 1200 экземпляров по 35 коп. за экземпляр, больше пришлись по вкусу тем, кто желал узнать о землях древней Эллады, чем мудреный текст древнего автора в двух томах по 25 руб. Другим источником знакомства с Павсанием до выхода перевода можно назвать переведенное с французского языка «Размышление о греческой истории...»³² аббата Г. де Мабли (1709–1785). Повествуя в первой части труда о древнейшей истории греков, автор логично обращается к поэмам Гомера и свидетельствам Фукидида, но наряду с ними использует и Павсания (С. 11; ссылка на Paus. VIII.3.5). Мабли пишет: «Павсаний повествует, что Оснотрий младший Ликаонов сын, ... испросив у Никтима, брата своего, кораблей и воинов, вздумал, первый из Греков, положить основание нового государства в земле чужестранной». В другом месте приведено свидетельство античного автора о храбрости Бренна, вождя галатов в битве у Фермопил 279 г. до н. э. (с. 217; ссылка на Paus. X.23.6). Стоимость перевода Мабли составляла 60 коп. и делала его более доступным.

Таким образом, перевод декады Павсания проигрывал и в коммерческом отношении. Упрощение текста с целью привлечения широкого круга читателей явно не подходило для сочинений, издание или перевод которых был бесполезен без научного комментария, выполненного специалистом. В этом смысле пример с Павсанием демонстрирует, насколько просветительские идеи Екатерины II распространялись вширь, часто теряя в своей глубине³³. Показательно предпочтение русского образованного читателя знакомиться с Павсанием либо в трудах европейских ученых, либо в иностранных переводах. Ситуация не менялась вплоть до конца XIX в.

Примером этого служат «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина (1766–1826), впервые опубликованные в 1791–1792 гг. Автор этих писем, предпринявший в 1789–1790 гг. путешествие по Европе, отмечает: «В семи верстах от Базеля находится... обширный сад... Туда ходил я пешком с двумя молодыми берлинцами, здесь живущими. <...> В сем тихом гроте, в сем святилище меланхолии душа чувствует томное уныние и погружается наконец в сладкую дремоту. Здесь изобразил бы я Ночь, Сон и Смерть, как они, по описанию Павзаниеву, на Ципселевом сундуке изображены были»³⁴. Анализ отрывка показывает, что писатель заимствовал ссылку на Павсания из сочинения Г. Э. Лессинга «Wie die Alten den Tod gebildet»³⁵, работавшего с билингвой Р. Амасия в издании Я. Куна 1696 г. (Eliac. sar. XVIII. P. 422). К французскому переводу Геддиона обращался поэт и драматург В. В. Капнист (1758–1823) в статье «Краткое изыскание о ги-

пербореанах», опубликованной в 1815 г. В одном случае драматург указывает на Павсания (Paus. X.5.8-9) как на «сильнейшее доказательство уважения к нему (Аполлону. – С. В.) гипербореан», в другом (уже в Примечаниях) – ссылается на место (Paus. I.31.2), в котором говорится об аримаспах (Arimaspes)³⁶.

Таким образом, созданное Павсанием во II в. н. э. «Описание Эллады» фактически не заняло прочного места в европейской культуре. Сочинение, целиком посвященное реалиям языческой древности, несомненно, было отвергнуто европейской средневековой культурой. Уровень интереса к этому тексту определялся появлением новых возможностей и потребностей усваивать и изучать сохранившиеся образцы античного искусства в Италии, на Балканах и Причерноморье. Такую возможность Павсанию предоставило именно Новое время, когда рационалистическая мысль Просвещения отводила античности доминирующую роль в европейских культурных процессах³⁷. Предметы и явления, к которым обращается Павсаний, живо интересовали его потомков. Благодаря этому происходит обращение к прошлому опыту не только через текст, но и через сами памятники.

И всё же специфичность текста «Описания» и его композиции не дали ему выйти за рамки узкоспециальной справочной литературы. Эпоха Просвещения стремилась воспринять из Античности принципы идеального государства (Платон, Аристотель) во главе с правителем-мудрецом (Марк Аврелий), примеры полководческого гения (Фемистокл, Александр Великий), образцы искусства, исполненные совершенного художественного вкуса, основы гармонии человека с природой, подарившей благоприятные условия для процветания античной цивилизации. Как следствие, наиболее востребованными оказывались древние тексты и памятники, способные формировать ясные представления обо всем этом. Творение обретает большую ясность, если его создавал великий классик, известный своей незаурядной судьбой. В случае с текстами особенно важным становится то, насколько сформирован определенный образ их создателя. Процесс освоения античного наследия в Новое время являет примеры Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Платона или Аристотеля – авторов, знаменитых как своей жизнью, так и трудами, освещающими круг тем, занимавших просвещенных читателей. Восприятие начинается с личности творца, затем оцениваются его деяния. Так, Марк Аврелий, удачно подходивший на роль «просвещенного монарха», вошел в российскую культуру значительно раньше его «Размышлений»³⁸. Создатель «Илиады» и «Одиссеи» ввиду сомнительности его существования среди некоторых исследователей в конце XVIII в. породил «Гомеровский вопрос», оставшийся во многом открытым и в настоящее время.

В XVIII в. из биографических сведений Павсания были известны лишь время его жизни и предполагаемое место рождения, при этом оставался риск спутать его с другими авторами, носившими такое же имя. Эти сведения дошли благодаря единичному упоминанию в труде о его родине (Paus. V.13.7) и некоторых современных ему событий. Текст, не имеющий выраженного введения, что не характерно для авторов эпохи Империи, на первый взгляд представляется бесконечным нагромождением описаний храмов, статуй, генеалогий царей и художников, мифов и культовых празднеств, зоологических и географических экскурсов, сложных имен и названий. Единый образ памятника литературы и истории распадается в глазах читателя на отдельные элементы. При таком калейдоскопе фактов увидеть авторскую позицию и основную идею, которую Павсаний желал бы донести до читателя, способен лишь подготовленный специалист. Практически ничего не сообщая о себе, древний путешественник увлеченно описывает многочисленные памятники, почти всегда сообщает имена и судьбы тех, кто их сотворил. Создатели памятников выходят на первый план, затмевая создателя описания.

«Описание Эллады» сложно воспринять как грандиозный замысел, подчиненный определенной идее, которая прослеживается во всем тексте. Простота и лаконичность языка и стиля изложения греческого текста не претендовала на образец изящной словесности своей эпохи. Зато в эпоху Екатерины II усилиями переводчиков Павсаний в полной мере обрел витиеватость и изящество слога, но при этом написанное утратило свою ясность. Вышеперечисленные факторы во многом спровоцировали ожесточенную полемику относительно этого древнего текста в среде филологов-классиков в конце XIX – начале XX в.

Таким образом, в рассматриваемый период Павсаний ни в русском переводе, ни в оригинале, к сожалению, по-настоящему не стал достоянием образованной публики.

Благодарности. Автор статьи выражает благодарность зав. отделом рукописей ГИМ – Шульгиной Эмелии Васильевне, зав. читальным залом ОР ГИМ – Казаковой Елене за предоставленную возможность изучить рукопись ГИМ. Син. греч. № 193, а также сотрудников отдела редких книг и рукописей ЗНБ им. В. А. Артисевич Саратовского гос. ун-та за помощь в работе с необходимыми изданиями XVIII в.

Примечания

- ¹ *Кащеев В. И.* К истории классицизма в российской провинции первой половины XIX века : Саратовский грецист Иван Федорович Синайский // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 62–63.
- ² Краткий вариант каталога на латинском языке был опубликован в 1777 г. в России. В статье использовано полное издание : *Matthaei Chr. F. Accurata Codicorum Graecorum Mss. Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio.* T. I. Lipsiae, 1805. P. 124.
- ³ *Винкельман И. И.* История искусства древности. Малые сочинения. СПб., 2000. С. 490. (Комментарий И. Е. Бабанова).
- ⁴ Подробнее о самой концепции см.: *Винкельман И. И.* Указ. соч. С. 7–8 ; *Бабанов И. Е.* Очерк жизни и творчества Винкельмана // *Винкельман И. И.* Указ. соч. С. 461–488.
- ⁵ См.: *Lessing G. E.* Wie die Alten den Tod gebildet. Berlin, 1769.
- ⁶ *Гаврилов А. К.* Государственный классицизм при Екатерине II // Его же. О филологах и филологии. Статьи и выступления разных лет. СПб., 2011. С. 55.
- ⁷ *Семенников В. П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783 гг. СПб., 1913. С. 15–16.
- ⁸ *Иванов Вяч. Вс.* Архаизм и новаторство в практике первых русских переводов Платона // Логос. 2012. № 6 (90). С. 42–57.
- ⁹ *Черняев П. Н.* Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II // Филологические записки. Воронеж, 1905. Вып. III. С. 224.
- ¹⁰ *Гаврилов А. К.* Марк Аврелий в России // Марк Аврелий Антонин. Размышления. СПб., 1993. С. 144.
- ¹¹ *Семенников В. П.* Указ. соч. С. 73–74.
- ¹² *Павсаний, или Павсаниево описание Эллады, то есть Греции :* в 3 ч. СПб., 1788. Ч. 1. С. III–IV.
- ¹³ Надо отметить, что определенного отношения к этому автору не сформировалось. В отчете о ходе работы *Комиссии* по переводам на имя Екатерины II указано, что «из археологов (курсив мой. – С. В.) полностью переведен Павсаний...» (*Черняев П. Н.* Указ. соч. 1905. Вып. III. С. 221).
- ¹⁴ К таким авторам следует отнести и Витрувия, переведенного архитектором В. И. Баженовым и литератором Ф. В. Каржавиным с французского. См.: Марка Витрувия Поллиона об архитектуре 10 книг с примеч. К. Перро / пер. с фр. и примеч. В. Баженова. СПб., 1790–1797. О переводе см.: *Черняев П. Н.* Указ. соч. 1904. Вып. III. С. 40–41.
- ¹⁵ *Черняев П. Н.* Указ. соч. 1905. Вып. I. С. 151–152.
- ¹⁶ Греческий текст приведен по изданию : *Pausaniae Graeciae descriptio :* in 3 vol. / ed. M. H. Rocha-Pereira. Leipzig, 1990.
- ¹⁷ *Павсаний.* Описание Эллады : в 2 т. / пер. и вступ. ст. С. П. Кондратьева. М., 1938–1940. В тексте статьи используется переиздание перевода : Павсаний. Описание Эллады : в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. 364 с. ; Т. 2. 592 с.
- ¹⁸ Ср.: *Никитюк Е. В.* Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого греческого Возрождения // Павсаний. Описание Эллады / пер. С. П. Кондратьева. СПб., 1996. С. 38.
- ¹⁹ О первых переводах Павсания в XV–XVII вв. см.: *Parks G. B.* Pausanias // *Catalogus translationum et commentariorum.* Washington, 1971. Vol. II. P. 215–220.

- ²⁰ Перевод переиздавался дважды : в 1733 и 1797 гг. В статье использовано 3-е издание : Pausanias ou Voyage historique, pittoresque et philosophique de la Grèce / ed. abb. N. Gedeoni : in IV vols. P., 1796–1797.
- ²¹ Подробнее об этом переводе см.: *Guilmet C.* The French Translation by Nicolas Gêdoyn // Following Pausanias : The Quest for Greek Antiquity. Athens : Oak Knoll Press, 2007. P. 120–124.
- ²² См.: *Любжин А. И.* Римская литература в России в XVIII – начале XX в. М., 2007. С. 29–30.
- ²³ Государственный исторический музей (ГИМ). Син. греч. № 193. Л. 9 об., 33, 34, 166 и др.
- ²⁴ С момента выхода (Рим, 1547) и вплоть до конца XVII в. это издание пользовалось популярностью в Европе, так как было единственным, содержащим полный греческий текст с латинским переводом и научными комментариями. Текст переиздавался в 1551 (Флоренция), 1583 и 1624 (Франкфурт-на-Майне), в 1613 (Ганновер) и 1696 (Лейпциг) гг. (*Parks G. B.* Op. cit. P. 215).
- ²⁵ Подробнее см.: *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 119–120.
- ²⁶ Творения велемудрого Платона : в 3 ч. СПб., 1780–1785. Ч. 1. С. I.
- ²⁷ *Семенников В. П.* Указ. соч. С. 73–74.
- ²⁸ Там же. С. 74.
- ²⁹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. (1725–1800) : в 5 т. М., 1962. Т. 1. С. 350.
- ³⁰ *Жокур Л. де.* Пелопонис, или Морея с находившимися и находящимися в оной городами, областями и другими Примечания достойными местами. СПб., 1769.
- ³¹ Там же. С. 120.
- ³² Перевод, выполненный А. Н. Радищевым, был издан благодаря деятельности «Общества, старающегося о напечатании книг», организованном в 1773 г. Н. И. Новиковым. См.: *Мабли Г. де.* Размышление о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков. СПб., 1773.
- ³³ См.: *Любжин А. И.* Указ. соч. С. 29.
- ³⁴ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // Его же. Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 1. С. 212.
- ³⁵ *Lessing G. E.* Wie die Alten den Tod gebildet. Berlin, 1769. S. 17.
- ³⁶ Pausanias ou Voyage... Т. I. P. 219 ; Т. IV. P. 167. Ср.: *Каннист В. В.* Собрание сочинений : в 2 т. М. ; Л., 1960. Т. 2. С. 163, 182.
- ³⁷ Подробнее см.: *Михайлов А. В.* Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. // Его же. Языки культуры. М., 1997. С. 509–510.
- ³⁸ *Гаврилов А. К.* Марк Аврелий в России. С. 157–158.

Образец для цитирования:

Выскубов С. П. «Павсаниево описание Еллады» или судьба одного русского перевода, выполненного при Екатерине II // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 192–198. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-192-198.

Cite this article as:

Vyskubov S. P. «Pausanievo Opisaniye Ellady» (“Descriptions of Greece by Pausanias”) or the Fate of One Translation made in the Time of Catherine the Second of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 192–198 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-192-198.